

Церковь и ея отношеніе къ прогрессу ¹⁾.

Въ настоящее время вопросы о Церкви,—и именно вопросы: о ея сущности, о ея дѣятельности, о ея отношеніи къ наукѣ, къ искусству, о ея значеніи для общественной и государственной жизни, сдѣлались животрепещущими вопросами для всѣхъ тѣхъ членовъ образованнаго общества, которые еще не утратили интереса къ духовной жизни человека. И какому религиозно-просвѣтительному обществу,—обществу, дѣйствующему во имя Церкви, и въ духѣ Церкви,—остается только радоваться тому, что прежнія холодность и равнодушіе, а нерѣдко даже и вражда къ Церкви, видимо, замѣняются стремленіемъ образованныхъ людей считать себя значеніе Церкви въ жизни человечества и определить свое отношеніе къ ней. И мы искренно радуемся ему... Но радость наша въ значительной мѣрѣ омрачается тѣмъ, что вопросы, касающіеся Церкви, нерѣдко рѣшаются спѣшно и недостаточно основательно; а иногда къ основанію этихъ вопросовъ полагаются предвзятыя мысли. Поэтому дѣло, что во всѣхъ такихъ случаяхъ на поставленные вопросы получаютъ неправильные отвѣты.

Такимъ между прочими вопросамъ и вопросъ объ отношеніи Церкви Христовой къ тому, что въ наукѣ и въ искусствѣ извѣстно подъ именемъ *прогресса* рода человѣческаго.

Посильное разрѣшеніе этого вопроса мы имѣемъ въ виду положить высочайшему собранію въ настоящую минуту.

¹⁾ Чтеніе въ религиозно-просвѣтительномъ обществѣ 7 марта 1903 г.

Вопросъ этотъ весьма сложный, и обстоятельное разъясненіе его можетъ быть сдѣлано только послѣ обзорѣни многовѣковой жизни Церкви и ея вліянія на все тѣ стороны жизни людей, въ которыхъ обнаруживается дѣятельность разнообразныхъ силъ духа человѣческаго, т. е. вліянія Церкви на науку и искусство, на общественную нравственность, на государственное законодательство,—однимъ словомъ вліянія Церкви во всехъ тѣхъ историческихъ событіяхъ, въ которыхъ совершался переходъ людей отъ дохристіанскаго ихъ состоянія, къ тому состоянію, въ которомъ мы видимъ ихъ въ настоящее время.

Конечно, невозможно и думать о томъ, чтобы изложить въ одномъ чтеніи все обиліе историческихъ данныхъ, относящихся къ этому предмету; и потому мы ставимъ предъ собою болѣе скромную задачу,—именно: только въ самыхъ общихъ чертахъ показать, что истинная Церковь Христова не только не противится *прогрессу* рода человѣческаго, какъ ее въ томъ весьма часто обвиняли и обвиняютъ, а,—наоборотъ,—что она и учреждена Богомъ на землѣ съ тою цѣлію, чтобы поднять человѣчество изъ той глубины духовно-нравственнаго помяренія, въ которой оно утонуло и утопаетъ въ язычествѣ.

Для рѣшенія вопроса объ отношеніи Церкви Христовой къ прогрессу рода человѣческаго нѣтъ нужды говорить о томъ, что такое Церковь, каково ея устройство, и каково отношеніе однихъ ея членовъ къ другимъ. Для нашей цѣли достаточно указать на ту внутреннюю жизненную силу Церкви, которая движетъ ее къ предназначенной ей цѣли. Эта сила есть искренняя вѣра Церкви въ Основателя ея Господа Иисуса Христа и въ непреложность данныхъ ей обѣтованій,—вѣра живая, выражающаяся въ самоотверженной, безграничной любви къ роду человѣческому; а законъ, которымъ управляется жизнь Церкви, есть законъ нравственный, сущность котораго,—по слову св. Апостола Павла,—сводится къ

одной заповѣди о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ (Галат. V, 13, 14).

Въ какомъ же отношеніи находятся между собою *Жизнь Церкви* и то движеніе человечества, которое называется *прогрессомъ*? При рѣшеніи этого вопроса въ настоящее время замѣтно разногласіе, доходнящее до противоположности. Съ одной стороны, на этотъ вопросъ отвѣчаютъ тѣ люди, которые никогда не принадлежали къ Церкви (іудей, магометане и язычники), но которые достигли известной степени умственного развитія. Такіе люди не знаютъ сущности Церкви; не имѣютъ они понятія и о ея цѣли. При недостаточномъ знакомствѣ съ исторіею человечества они осмѣливаются утверждать, будто Церкви не только не содѣйствуетъ прогрессу рода человеческого, но и не можетъ содѣйствовать ему, потому что это будто бы противно существованію ея, какъ учрежденія неизмѣннаго, разъ навсегда опредѣленнаго, а потому устойчиваго и потому, будто бы, неподвижнаго. И въ самомъ дѣлѣ,—говорятъ они,—можно-ли ожидать отъ Церкви движенія впередъ, изъ *содѣйствія прогрессу*, когда Церковь должна направлять всю свою дѣятельность къ тому, чтобы сохранить въ неприкосновенности лежащее въ основѣ ея ученіе? Но такому воззрѣнію „Церковь можетъ быть только врагомъ прогресса“... Съ другой стороны, отнѣсти на поставленный вопросъ дають члены тѣхъ христіанскихъ обществъ, которыя существуютъ теперь въ разныхъ концахъ міра. Члены этихъ обществъ видятъ въ себѣ истинную Церковь. Высоко цѣнятъ они просвѣтительную дѣятельность своихъ обществъ и уже неоднократно,—особенно въ послѣднее время,—они выступали съ доказательствами той мысли, что главнымъ двигателемъ людей по пути прогресса является христіанство то въ видѣ латинства (римскаго католицизма), то въ видѣ протестантизма; при этомъ католики въ протестантизмѣ видятъ начало противоположное

прогрессу, а протестантизм, наоборотъ, римскій католицизмъ считаютъ врагомъ прогресса.

Доказать такія положенія очень не легко. Обыкновенно писатели, ставящіе себѣ подобнаго рода задачу, сравниваютъ богатство и внѣшнее благосостояніе народовъ, среди которыхъ распространено то или другое вѣроисповѣданіе, отмѣчаютъ сравнительную высоту ихъ образованности,—на основаніи количества учебныхъ заведеній; привлекаютъ къ дѣлу процентное исчисленіе преступленій противъ собственности, сравниваютъ количество законныхъ и незаконныхъ браковъ, рожденіе законныхъ и незаконныхъ дѣтей, увеличеніе или уменьшеніе самоубійствъ, убійствъ, простита или уменьшенія народонаселенія, потребленія спиртныхъ напитковъ,—однимъ словомъ отмѣчаютъ повышеніе или пониженіе народной нравственности, и отсюда дѣлаютъ выводъ, что тотъ или другой народъ стоитъ выше другихъ, т. е. идетъ впередъ другихъ, прогрессируетъ, а другіе народы падаютъ, идутъ назадъ, умираютъ. Отчего? Это,—какъ говорятъ такіе исследователи,—зависитъ отъ ихъ религіозныхъ особенностей, отъ ихъ вѣрованій.

Такой способъ доказательства можно было бы принять безошибочнымъ, но только въ томъ случаѣ, если бы мы были въ силахъ точно измѣрять и взвѣсить все количество добра и зла въ жизни отдѣльныхъ народовъ и опредѣлить: у котораго изъ народовъ добро непрерывно возрастаетъ, а зло непрерывно уменьшается. Тогда, дѣйствительно, мы могли бы сказать, что тотъ или другой народъ несомнѣнно прогрессируетъ, или регрессируетъ, т. е. идетъ впередъ или назадъ. Но и этого еще недостаточно. Еще нужно кромѣ того доказать, что главнымъ двигателемъ такого народа по пути прогресса являются отличительныя особенности его вѣроисповѣданія. Только послѣ этого мы уже съ полною увѣренностію могли бы утверждать, что именно такое или иное вѣроисповѣданіе есть главный двигатель, или первопричина

прогресса. А въ дѣйствительности опредѣлить степень прогресса и доказать, что прогрессъ есть на самомъ дѣлѣ, столь трудно, что весьма серьезные изслѣдователи исторіи рода человѣческаго приходятъ къ мысли, что прогресса въ жизни человѣчества даже совсѣмъ нѣтъ; что сѣбѣ однихъ народовъ другими въ исторіи свидѣтельствуетъ совершенно о противоположномъ, т. е. о безсиліи людей идти непрерывно по пути успѣховъ; и что преуспѣвая въ какомъ-либо одномъ отношеніи, ягоди, наоборотъ, идутъ назадъ въ другомъ болѣе важномъ отношеніи; напримѣръ, увеличеніе богатства сопровождается распространеніемъ роскоши, неумѣренной, невоздержной жизни, которая подтачиваетъ здоровье народа.

Но что такое *прогрессъ*, т. е. что должно разумѣть подъ этимъ названіемъ? Буквальный смыслъ этого слова можетъ быть выраженъ словами: *движеніе впередъ*. Въ примѣненіи къ жизни рода человѣческаго подъ этимъ движеніемъ впередъ разумѣется не простой переходъ отъ прошедшаго къ будущему, а такой переходъ, при которомъ, каждое предшествующее мгновеніе въ жизни человѣчества даетъ слѣдующему за нимъ нѣчто большее. Если прошедшее не даетъ настоящему ничего большаго сравнительно съ тѣмъ, что имъ самимъ получено, то *прогресса* уже нѣтъ; такое положеніе называется застоємъ; а если настоящему дается нѣчто меньшее сравнительно съ прошедшимъ, то настоящее является временемъ уже не прогресса, — движенія впередъ, а регресса, — движенія назадъ. Съ другой стороны, прошедшее можетъ оставить въ наслѣдіе настоящему и добро, и зло. Въ своемъ настоящемъ мы можемъ увеличить и то, и другое. Само собою понятно, что только увеличеніе, развитіе, распространеніе добра имѣетъ значеніе прогресса; прогрессъ зла, то есть развитіе, распространеніе преступленій противъ законовъ, вложенныхъ Творцемъ въ природу человѣка, не есть прогрессъ! Человѣкъ явился въ этомъ мірѣ изъ рукъ Творца прекраснѣйшимъ твореніемъ, наделеннымъ всѣми необходимыми свойствами для того, что-

онъ обещаетъ, а не сотворить. Такимъ образомъ *прогрессъ впередъ рода человеческого, или прогрессъ ея, должно называться непрерывное послѣдовательное увеличеніе, раскрытіе, развитіе данныхъ чело-вѣку отъ Бога силъ, какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ, или увеличеніе полученнаго нами отъ нашихъ прародителей ду-ховнаго и тѣлеснаго благосостоянія. Человѣкъ получить изъ руки Творца и все необходимое для того, чтобы господство-вать въ этомъ прекрасномъ мірѣ и такимъ образомъ чрезъ непрерывное упражненіе раскрывать и развивать свои силы. Процессъ жизни этого земного міра долженъ выражаться въ сохраненіи и приумноженіи даннаго роду человѣческому духовнаго и вещественнаго богатства. Сохраненіе жизни въ мірѣ и увеличеніе, или развитіе жизненности всего живуща-го, есть цѣль жизни человѣчества; осуществленіе этой цѣли и есть прогрессъ. Наоборотъ, сокращеніе жизненности долж-но рассматриваться, какъ явленіе обратнаго порядка, несо-вѣтствующее первоначальной цѣли нашего бытія на зем-лѣ. (Быт. II, 5, 15).*

Обращаясь къ слову Божію, — къ ученію Церкви, мы видимъ, что съ этой точки зрѣнія Церковь никоимъ обра-зомъ не можетъ быть рассматриваема, какъ противница про-гресса. Первые страницы священныхъ книгъ, содержащихъ въ себѣ откровенное слово Божіе, говорятъ о томъ, что Бо-гомъ повелѣно чело-вѣку размноженіе и наполненіе земли (Быт. I, 28), воздѣлываніе и храненіе земли (Быт. II, 15); во имя Божіе Церковь осуждаетъ убійство и самоубійство какъ тѣлесное, такъ и духовное, (Быт. IV, 3—11; Исх. XX, 12, 13; Римл. XIII, 9; Іак. II, 11; и др.); она благо-словляетъ милосердіе не только къ людямъ, но и къ живот-нымъ (Мѡ. V, 7; 1 Корнѣ. IX, 9; Притч. XII, 10, XXVII, 13; Сирах. XL, 50); она обѣщаетъ кроткимъ людямъ въ наслѣдіе землю (Мѡ. V, 5); миротворцевъ она прославляетъ, какъ истинныхъ сыновъ Божіихъ (Мѡ. V, 9); взявшемуся

на мечъ и вообще враждующимъ она прорекаетъ взаимно истребленіе отъ меча (*Мѡ. XXVI, 52; Гал. V, 15*). Церковь строго осуждаетъ какъ духовную, такъ и тѣлесную лѣнность. Непрестанное бодрствованіе, непрестанную духовную и тѣлесную работу, какъ развитіе или воздѣлываніе данныхъ челоѣку талантовъ, Церковь считаетъ главнымъ условіемъ для блага челоѣка и слопамъ Госиода нашего Іисуса Христа рѣшительно осуждаетъ тѣхъ, которые по лѣнности своей и хотятъ воздѣлать и одного даннаго имъ таланта (*Мѡ. XXV, 25*) „Часть, душе конца помысливши и посѣченія смоковницы убо явшіяся, данный тебѣ талантъ трудолюбно дѣлай, окаянная бодрствующи и зовущи, да не пребудеши внѣ чертога Христова (кондактъ Великаго вторника). Предъ лицемъ челоѣчества Церковь ставитъ столь высокій образецъ совершенства, что челоѣка и мысли не должно быть о томъ, чтобы когда-нибудь остановиться въ своей дѣятельности и сказать: „Конечъ Я сдѣлалъ все; я прошелъ весь путь добра: болѣе уже и остается ничего дѣлать.“ (сравн. *Лук. XVII, 10*).

Спросимъ теперь у враговъ Церкви: „Есть ли хотя бы незначительная доля правды въ томъ обвиненіи, по которомъ Церковь выставляется не только не содѣйствующею, но даже и враждебною прогрессу“? Однако такое обвиненіе существуетъ и въ послѣднее время находитъ себѣ сторонниковъ даже среди людей, которые, повидимому, принадлежатъ къ Церкви. Очевидное дѣло, что въ этомъ случаѣ есть какое то недоразумѣніе. По нашему мнѣнію, его можно объяснить такъ. Съ одной стороны подъ Церковію разумѣютъ то, что не заслуживаетъ этого имени, т. е. разумѣютъ такіа христіанскія общества, которые въ значительной степени утратили духъ первоначальной, древней, истинной Церкви; а съ другой стороны, прогрессъ рода челоѣческаго понимаютъ и въ томъ широкомъ и единственно правильномъ смыслѣ, какой мы выше указали. Съ одной стороны, подъ Церковію разумѣютъ или убивающій свободу научнаго изслѣдованія

римскій католицизмъ, или же безпринципный протестантизмъ, имѣющій непрекращаемый для истинной Церкви авторитетъ Божественнаго откровенія; съ другой стороны, подъ прогрессомъ разумѣть развитіе только въ какой-нибудь одной области человеческой жизни. Указываемое нами недоразумѣніе усиливается еще извѣстіемъ того, что въ западной, а отчасти и въ нашей отечественной литературѣ иногда обнаруживается стремленіе къ тому, чтобы на христіанство, воплощеніемъ котораго является только истинная Церковь, возложить ответственность за всѣ, иногда весьма темныя стороны современныхъ общественныхъ и государственныхъ порядковъ. Современную цивилизацію называютъ христіанскою. Да! она можетъ быть названа такою по тѣмъ ея сторонамъ, въ которыхъ открывается развитіе лучшихъ благороднѣйшихъ силъ и стремленій человека: въ исканіи истины, въ развитіи добра и въ воплощеніи идей въ изящные образы и формы всѣхъ видовъ искусства. Но самый пристрастный судія современной цивилизаціи не можетъ отвергнуть той несомнѣнной истины, что въ нашей цивилизаціи есть еще достаточное количество такихъ сторонъ, которыя отсутствуютъ въ ней, какъ имѣли въ времена до-христіанскіе, отъ времени явленія Христа. Церкви Христова не успѣла еще искоренить въ человечествѣ тѣхъ темныхъ, враждебныхъ развитію человечества силъ, которыя возникли въ немъ въ теченіе тысячелѣтій его существованія. Какъ я почему это было, намъ нѣтъ нужды касаться этихъ вопросовъ: мы только отмѣчаемъ этотъ несомнѣнный фактъ.

Исторія человечества показываетъ, что главнымъ двигателемъ человека по пути развитія и прогресса является духъ человека; а его тѣлесная сторона служить только орудіемъ низженія. Дѣло Церкви главнымъ образомъ и направлено къ возвышенію, укрѣпленію духовной стороны въ жизни людей и къ господству духа надъ подавляющею его дѣятельностію матеріею. Съ другой стороны, исторія человечества показы-

висть, что наибольшіхъ успѣховъ человѣчество достигало тогда, когда люди соединялись въ большія общества съ мирными цѣлями, именно для совмѣстнаго преодоленія препятствій, полагаемыхъ внѣшнимъ міромъ для развитія всѣхъ силъ человѣка. Отсюда ясно слѣдуетъ, что то начало, которое можетъ объединить весь родъ человѣческій, или по крайней мѣрѣ возможно большую часть его для мирнаго труда на общую пользу, и должно быть признано началомъ, опредѣляющимъ успѣхъ развитія людей, или первопричиною прогресса. Но какое начало, какое средство для такого объединенія людей можетъ стать на мѣсто Церкви, быть болѣе цѣлесообразнымъ сравнительно съ Церковью? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Церковь для того именно и создана на землѣ, чтобы сплотить всѣхъ людей во едино, не взирая на ихъ племенные различія и естественныя земныя преграды. Церковь всегда и смотрѣла на себя такъ съ первыхъ дней своего земного бытія (Іоан. X, 16; XVII, 11—21); она ежедневно возглашаетъ молитву о томъ, чтобы всѣ люди имѣли одно сердце и одну душу, и однимъ сердцемъ и одними устами славили и воспѣвали Создателя за Его созданіе. Начало дѣятельности Церкви положено испосланіемъ ей огненныхъ языковъ, какъ средства для духовнаго объединенія всѣхъ людей: „Егда Вышній раздалше огненные языки, къ соединенію вси призна, и согласно славимъ Всесвятаго Духа“ (конд. на день Пятидесятницы). Исторія рода человѣческаго показываетъ, что въ тѣ времена, когда люди спланивались подъ знаменемъ Церкви, когда они вдохновлялись ученіемъ о равенствѣ всѣхъ предъ Отцемъ неба и земли, когда они вдохновлялись братскою любовію; тогда спадали съ нихъ узы духовнаго рабства, которое налагалось на нихъ ихъ народнымъ, сословнымъ и имущественнымъ раздѣленіемъ; тогда они дѣлали быстрые шаги по пути самоусовершенствованія. А это, вѣдь, и составляетъ главную отличительную черту прогресса.

Законъ, человѣческаго самоусовершенствованія можетъ быть только нравственнымъ закономъ. Но въ чистомъ видѣ этотъ законъ провозглашается только Церковію, и по ученію св. Апостола Павла онъ сводится къ одному слову о любви къ ближнему: *Весь законъ во единѣмъ словеси исполняется, во еже возлюбити ближняго своего якоже себе (Галат. V, 13, 14)*. Таковая задача Церкви,—быть объединительницею всѣхъ людей,—никоимъ образомъ не можетъ быть объединена или совмѣщена съ узкими задачами, которыя задаютъ люди сами себѣ, и которыя скорѣе разъединяютъ, нежели объединяютъ родъ человѣческій. Для истинной Церкви Христовой нѣтъ различія между Элліномъ (Грекомъ) и Иудеемъ, между скифомъ и варваромъ, между рабомъ и свободнымъ, если они усвоятъ нравственный Божественный законъ, который долженъ быть написаннымъ на сердцахъ людей, но который въ значительной мѣрѣ потускнѣлъ въ нихъ и не всѣмъ сталъ доступенъ для пониманія. Глава Церкви, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, есть все для всѣхъ. (Колос. II, 11)

Но къ несчастію рода человѣческаго не всѣ и не всюду такъ смотрятъ на сущность прогресса. Въ теченіе долгихъ вѣковъ существованія на землѣ рода человѣческаго въ людяхъ обнаружилась такіа качества, которыя увлекаютъ ихъ въ сторону, противоположную прогрессу и даже исключаютъ самую возможность прогресса. Человѣкъ, созданный для блаженства, по самому существу своей природы гораздо легче привыкаетъ къ благополучію и жизни въ довольствѣ; успѣхи въ жизни опьяняютъ его, и онъ легко забываетъ, что первая и главная его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы непрестанно трудиться для своего развитія, для самоусовершенствованія. Упоеніе успѣхами и довольство легко переходятъ въ самодовольство, потомъ въ лѣность и въ стремленіе жить безъ труда и насчетъ труда другихъ. Человѣкъ становится склоннымъ къ тому, чтобы у другихъ искать самоотвержен-

твенною стороною жизни духа человеческого, которая называется сердцемъ человека. Дѣйствительно, самая острая борьба за существованіе, т. е. за предметы первой необходимости, самая ужасная бѣдность и самая большая трудность найти работу и средства къ жизни обнаруживаются именно тамъ, гдѣ, повидимому соединены, самыя благопріятныя условія для матеріальнаго прогресса, т. е. тамъ, гдѣ собрано болѣе всего богатствъ, гдѣ народонаселеніе самое густое, гдѣ промышленность и торговля стоятъ на высшихъ степеняхъ. Тамъ, гдѣ машины наиболѣе сокращаютъ человѣческій трудъ, взрослый человѣкъ работы уже не находитъ, и на работу выходятъ слабыя женщины и не соорѣвшія для такой работы малыя дѣти. Тамъ, гдѣ вновь открываемыя силы природы находятъ себѣ наиболѣе примѣненіе и доставляютъ наибольшую выгоду, цѣлыя толпы людей должны питаться на счетъ общественной благотворительности, но... едва, едва находятъ они себѣ скудное пропитаніе. Громадное накопленіе богатствъ не спасаетъ людей отъ голодной смерти, а возрастающее до чудовищныхъ размѣровъ домостроительство не обезпечиваетъ бѣднякамъ самаго скромнаго здороваго жилища, не спасаетъ ихъ отъ смерти подъ открытымъ небомъ: они сходятъ въ могилу въ самомъ жалкомъ рубищѣ, хотя производство драгоценныхъ тканей доведено до небывалыхъ размѣровъ. Всѣ силы людей уходятъ на приобрѣтеніе цѣнностей; но тамъ, гдѣ добывается наиболѣе количество золота и драгоценныхъ камней, насущный хлѣбъ цѣнится на вѣсь золота, и бѣдняку приходится питаться вмѣсто хлѣба почти камнемъ.... Это грустная картина; но она вполнѣ вѣрно изображаетъ дѣйствительность въ жизни самыхъ промышленныхъ и, повидимому, самыхъ богатыхъ странъ на земномъ шарѣ! Однако, мы должны быть справедливыми и отмѣтить тѣ факты, которые свидѣтельствуютъ, что въ наше время еще не совсѣмъ угасло чувство любви къ нуждающимся братіямъ. Воилющая нужда еще находитъ себѣ сочувственные отклики какъ въ частной

галь и въ общественной благотворительности; XIX вѣкъ и въ этомъ отношеніи стоитъ, можетъ быть, выше многихъ своихъ предшественниковъ: въ теченіе его появилось множество просвѣдательныхъ обществъ и учреждений, домовъ приютовъ для старыхъ и больныхъ, дѣтскихъ приютовъ, организации труда для тѣхъ, которые ищутъ его и т. д.; богатства, пожертвованныя на это, даютъ возможность поставить всѣ эти учрежденія на широкую ногу даже съ примѣненіемъ къ устройству многихъ изъ нихъ послѣднихъ слогъ науки и искусства. Но мы должны сказать, что количество всѣхъ этихъ учреждений далеко недостаточно, несоизмѣрно съ действительными нуждами, а съ другой стороны, оно несоизмѣрно,—и къ прискорбію нашему далеко несоизмѣрно,—съ накопляемыми у народовъ богатствами. И по характеру своему такого рода общественная помощь нерѣдко является только вынужденною обстоятельствами, а не подъ вліяніемъ чувства истинной любви къ нуждающемуся брату. Что это такъ, это доказываютъ очень часто раздавшіеся въ наше время голоса о предѣ частной благотворительности и о замѣнѣ ее общественною, подѣ благовиднымъ предлогомъ направлять ее болѣе правильно и вѣрно въ руки дѣйствительно нуждающихся, а не тѣхъ лѣнивцевъ, которые хотятъ жить чужимъ трудомъ. Такимъ образомъ живое чувство любви къ нуждающемуся брату обращается въ формальное пожертвованіе ничтожной части богатства. А что сказать о тѣхъ видахъ благотворительности, которая выкупается цѣною „благотворительныхъ развлеченій.“ Въ такого рода помощи ближнему обнаруживается снѣженіе чувства любви къ ближнему съ чувствомъ любви къ себѣ..... И при всемъ томъ эти свѣтлыя явленія въ жизни нашего времени оказываются только немногими сіяющими пятнами на темномъ фонѣ общественной жизни. Причина этого кроется въ томъ, что современный прогрессъ въ большинствѣ людей сводится къ накопленію такого рода богатствъ, цѣности которыхъ для общественнаго благососто-

нія сомнительна, а приобрѣтеніе ихъ поглощаетъ громадный трудъ множества людей. Въ настоящее время увеличивается небреженіе къ труду мирнаго земледѣльца и стремленіе жить вокругъ такихъ мѣстъ, гдѣ производятся предметы роскоши и комфорта, но вмѣстѣ съ тѣмъ истощаются и силы человѣка и подавляется его духовная жизнь,—жизнь сердца. Польза отъ такихъ произведеній для духовной жизни весьма и весьма сомнительна, а вредъ очевиденъ, такъ какъ понятіе о простыхъ удобствахъ (комфортъ) весьма растяжимо, и предметы роскоши весьма легко превращаются людьми въ предметы какъ будто простаго комфорта. Стремленіе къ возможно быстрому обогащенію увлекаетъ современные намъ народы, которые называются *передовыми* не къ упорному и медленно обогащающему труду воздѣлыванія земли и сохраненія на ней жизни, а къ хищническому хозяйствованію на ней, къ истощенію ея жизненныхъ силъ въ пользу возможно меньшаго числа людей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ во имя матеріальнаго прогресса не истреблены многіе дѣйственные лѣса вмѣстѣ съ жизнію, бывшею въ нихъ ключемъ? Развѣ не уничтожены многія породы животнаго царства,—мы не говоримъ о дикихъ, и вредныхъ для мирнаго труда, а о такихъ, которыя любію челоѣка могли бы обратитися въ вѣрныхъ друзей его домашней жизни? Развѣ не истощены многія пространства плодородной земли, до того времени обильно нитавшей тѣхъ, кто ее правильно воздѣлывалъ? Развѣ во имя цивилизаціи не стерты съ лица земли цѣлыя племена людей только потому, что вмѣсто любви, которую должно было оказать имъ, вмѣсто религіозно-нравственнаго перевоспитанія ихъ, вмѣсто приобщенія ихъ къ совмѣстному труду „носители прогресса“ встрѣтили ихъ, какъ хищники, начали отнимать у нихъ ихъ естественныя богатства и, какъ болѣе сильные, истребили ихъ? Развѣ и теперь народы сильные не поглощаютъ труда народовъ слабыхъ и не стираютъ ихъ съ лица земли во имя узкаго матеріальнаго прогресса? Развѣ не въ этомъ мате-

равномъ прогрессъ скрывается источникъ вражды между народами, источникъ вѣчнаго страха предъ соседомъ, который отпугиваетъ людей отъ мирнаго труда съ цѣлю самоусовершенствованія. Жизнь современнаго человечества гораздо правдивѣе называть не прогрессомъ, а борьбою за существованіе, и она и называется теперь такъ. Но борьба, какъ вражда однихъ противъ другихъ, влечетъ за собою истощеніе борющихся сторонъ, взаимное ослабленіе ихъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, т. е. сокращеніе жизнестойкости человечества. И действительно, мы видимъ въ настоящее время, что одни народы совсѣмъ исчезли, а другіе вырождаются и тоже готовы исчезнуть. Жалобы на вырожденіе раздаются все громче и громче; признаки вырожденія таковы: увеличивается болѣзненность и смертность людей, сокращается средняя продолжительность жизни, проценты новыхъ рожденій уменьшаются, долголѣтіе и крѣпость силъ встрѣчаются все рѣже и рѣже и при томъ почти только среди людей, стоящихъ вдали отъ тревоженій цивилизованной жизни. Сравнимъ мы напримѣръ, средневѣковаго воина, закованнаго съ ногъ до головы въ желѣзо, съ нашимъ современнымъ солдатикомъ, и его вооруженіемъ, и мы получимъ представленіе объ истощеніи людей. Вместе съ ослабленіемъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ увеличивается нищета, пороки и преступленія сумасшествія и самоубійства. Въ самыхъ, съ нашей точки зрѣнія, цивилизованныхъ странахъ царитъ среди людей разочарованіе, озлобленіе однихъ противъ другихъ, волненія и стремленіе къ насильственнымъ переворотамъ во всѣхъ областяхъ жизни. Развѣ это признаки *прогресса*? Все это не соответствуетъ духу Церкви. Она благославляетъ мирный трудъ; она радуется успѣхамъ человечества во всѣхъ областяхъ его труда на общую пользу. Но какъ учрежденіе приносящее на землю слово мира и любви, она не можетъ принимать иного участія въ борьбѣ челоѣка съ челоѣкомъ, какъ только словомъ мира и утѣшенія страдающихъ. И она

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

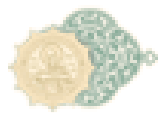
дущаго мовитися о мирѣ всего міра, о прекращеніи борьбы ту людьми, чтобы они жили тихо и безпокойно во всемъ благочестіи и чистотѣ (1 Ти. II, 2).

Очевидно, что жизнь современныхъ передовыхъ народовъ идетъ не по надлежащему пути; и причины этого немаловажнаго движенія въ томъ, что въ большинствѣ своемъ забываютъ объ основномъ законѣ своего преусибія или роста, т. е. о провозглашаемомъ Церковью нравственномъ. По ученію Церкви законъ этотъ написанъ на сердцахъ людей (Римл. II, 14, 15) и потому, — какъ казалось этотъ законъ можно забыть только тогда, когда сердце перестаетъ биться. Но гдѣ есть основанія утверждать, что сердце современныхъ наиболее цивилизованныхъ народовъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ; это обнаруживаетъ ослабленіи любви къ ближнимъ, начиная съ самыхъ ихъ. Любовь семейная, любовь родительская и сыновья, любовь родственная исчезаетъ. Нерѣдко дѣло доходитъ до того, что въ наши времена холоднаго расчета проіявленія сердца даже объясняются, какъ слабость, излишняя чувствительность и даже безразличность: та любовь спыдятся проявлять; ее скрываютъ, чтобы не быть предметомъ для насмѣшекъ. Холодный умъ засушиваетъ сердце человѣка и уныкаетъ его только къ заботамъ о томъ благосостояніи. Вслѣдствіе этого царство людей, е по ученію Церкви должно быть царствомъ мира, радости, долготерпѣнія, милосердія, вѣры, кротости, каянія (Галат. V, 22, 23) обращается въ царство ненависти, слезъ, взаимнаго раздраженія, немилосердія и недовѣрія, дерзости и невоздержной жажки. Царство по слову св. Апостола должно имѣть иную судьбу: ему грозитъ самонстребленіе. Если вы, — по слову св. Апостола Павла, — взаимно укусаете другъ друга и поьдаете, то берегитесь, чтобы вы не были о и истреблены другъ другомъ (Галат. V, 15).

Правда, среди враговъ Церкви и обвинителей ея во враждѣ къ прогрессу есть и такіе, которые признають великое значеніе любви въ дѣлѣ усовершенствованія людей и прогресса. Но они даютъ любви такое широкое опредѣленіе, что эта живая, чистая и святая сила обращается въ нѣчто отвлеченное и неосуществимое въ дѣйствительной жизни. Они говорятъ о любви не къ ближнему, а ко всему роду человѣческому. Любовь въ тѣхъ тѣсныхъ границахъ, которыя отводитъ имъ ихъ положеніе въ родѣ людскомъ, такіе люди считаютъ „ничтожною“, „мелкою“ и даже „мелочною“. Церковь, наоборотъ, всегда учила, учитъ и будетъ учить о любви именно къ ближнему, потому что эта Господня заповѣдь есть единственная и вполне достаточная для благополучія людей. Въ самомъ дѣлѣ, если бы любовь въ родѣ человѣческомъ обнаружилась въ каждомъ отдѣльно человѣкѣ къ ближнему его, то она сдѣлалась бы всеобщимъ достоинствомъ. Сердца людей снова оживились бы, и начинающаяся смерть рода человѣческаго уступила бы предъ его жизненностію. А любовь къ человечеству вообще безъ любви къ ближнему—это нѣчто столь же невозможное, какъ и любовь къ Богу безъ любви къ брату своему, какъ объ этомъ говоритъ св. Апостолъ Іоаннъ: *Тотъ, кто говоритъ, что любитъ Бога, а брата своего ненавидитъ, есть лжецъ; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ* (1 Іоан., IV 20). Эти слова св. Апостола прекрасно подходятъ къ тѣмъ братьямъ нашимъ, которые вопіють о любви ко всему человечеству и во имя этой любви не хотятъ растрачивать свои силы на любовь къ непосредственно стоящимъ около нихъ людямъ. Такъ и хочется обратиться къ этимъ людямъ съ такими словами: „Любители человечества! пока вы не любите своихъ ближнихъ, вы говорите неправду, ибо человѣкъ, не имѣющій мѣста въ сердцѣ своемъ для ближняго своего,

какъ можетъ любить все человечество, котораго не можетъ объять ни взглядомъ, ни мыслию, ни сердцемъ“.

Что касается позарѣнія, по которому Церковь Христова якобы не можетъ содѣйствовать прогрессу, какъ учрежденіе неизмѣнное въ своемъ существѣ, на это мы должны сказать слѣдующее. Церковь Христову нельзя уподоблять человѣческимъ учрежденіямъ, которыя опредѣляются въ своей жизни законами, данными имъ совѣтъ, т. е. основавшими ихъ людьми. Эти законы условны и измѣнчивы; они сообразно съ обстоятельствами могутъ быть измѣнены, дополнены, сокращены или совсѣмъ отменены. Сообразно съ этимъ и учрежденія, живущія по такого рода законамъ, могутъ измѣняться по существу, расширять или суживать свою дѣятельность или совершенно прекращать ее. Иное дѣло Церковь: она есть учрежденіе Божественное; она—вѣчно живое тѣло Христово, живущее по разъ навсегда вложенному въ него закону, или завѣту, опредѣляющему отношеніе членовъ ея къ ея Главѣ и Основателю и между собою. Законъ этотъ неизмѣненъ, какъ неизмѣненъ и Законодатель; требованія этого закона безусловны, какъ и Онъ. Онъ самъ непрестанно пребываетъ въ ней (*Мѡ. XXVIII, 20*); самъ Духъ Божій непрестанно оживляетъ ее и наставляетъ на всякую истину (*Іоан. XIII, 16; XV, 26; XVI, 13—15*). Отъ самаго начала своего Церковь снабжена всѣми необходимыми средствами для достиженія ея цѣли, т. е. усовершенствованія рода человѣческаго (*Еф. II, 20, 21; IV, 11—13*). Сама же она, какъ тѣло Христово, стоитъ на высотѣ совершенства, и,—какъ таковая,—она есть вполне готовый борецъ противъ царствующаго въ родѣ человѣческомъ зла. Она создана для борьбы съ самымъ источникомъ зла—грѣхомъ; цѣль ея существованія—въ содѣйствіи развитію и прогрессу рода человѣческаго въ области духа; она поставлена содѣйствовать возростанію плодовъ духа: любви, радости, долготерпѣнія, милосердія, вѣры, кротости, воздержанія и проч.

ЦЕРКОВЬ И ЕЯ ОТНОШЕНІЕ КЪ ПРОГРЕССУ.

и, наоборотъ, для искорененія въ людяхъ тѣхъ качествъ, которыхъ самыя ожесточенныя враги Христа и Церкви не могутъ признавать способствующими прогрессу, ярскости, зависти, ненависти, распущенности и другихъ кощ. Какого же прогресса и какихъ измѣненій ждутъ Церкви тѣ, которые мечтаютъ о прогрессѣ людей? не къ той же цѣли они сами должны стремиться?

Жизнь какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ вѣческихъ обществъ представляетъ такія особенности, малѣйшія нарушенія правильнаго теченія ея въ отдѣл членахъ немедленно отражаются на цѣломъ. Когда то, что человеческое общество, и даже цѣлое человечество организмъ, подобный тѣлу живого существа, то это неіе не есть безсодержательный наборъ словъ, потому что связь между членами общества дѣйствительно подобна между членами тѣла. Правда, эта связь не такъ, какъ для непосредственнаго наблюденія, но она несомнѣнна, кимъ образомъ, какъ для правильнаго теченія жизни вѣка необходимо правильное, законотѣрное развитіе и его силъ и способностей, потому что только при такомъ, ній возможно усовершенствованіе человѣка, такъ и для гресса всего человечества необходимо правильное равноное воспитаніе всѣхъ духовныхъ силъ каждаго человѣка, и просвѣщеніе его ума, и развитіе добрыхъ чувствъ по началамъ Божественнаго закона и укрѣпленіе его для борьбы съ порочными природными наклонностями. Но о воспитаніи еще въ концѣ XVIII вѣка пришла къ тому выводу, что для распространенія нравственности въ людяхъ недостаточно распространенія только наукъ и искусствъ, какъ тогда думали нѣкоторые. Нравственная высота человѣка, любви къ ближнему возрастаетъ и развивается въ немъ исключительно „просвѣщеніемъ“ въ ходячемъ смыслѣ этого слова, т. е. не однимъ развитіемъ только ума и интеллигентности: она выражается въ глубинѣ его внутренняго чув-

въ отзывчивости къ оружающему его міру живыхъ существъ и прежде всего ему подобныхъ. Нѣтъ этой отзывчивости въ жизни ближняго, нѣтъ тогда и общественной жизни: естественное теченіе жизни общества нарушается; члены общества идутъ врозь, и начинается разложеніе общественнаго организма. Каждому изъ насъ извѣстно, какъ тяжело пороки и преступленія даже отдѣльныхъ лицъ вредятъ прогрессу того общества, въ которомъ они распространяются. Нѣтъ ни одного преступленія, или грѣха, который бы не наносилъ глубокаго вреда обществу; но не каждому изъ насъ извѣстно, что единственнымъ борцомъ противъ порочности человѣческой природы является Церковь Христова, потому что только она одна можетъ указать ея источникъ и имѣть надлежащія средства къ очищенію ея. Конечно, можетъ быть такъ, что отдѣльные члены Церкви и даже служители ея недостаточно напряженно ведутъ эту борьбу противъ общественной и личной порочности; въ этомъ повинны они сами, а не Церковь, которая по слову Господа нашего Іисуса Христа терпѣть ихъ въ своей средѣ, не удаляетъ ихъ отъ себя, чтобы вмѣстѣ съ плевелами не вырвать и пшеницы (Мат. XIII, 29). Въ лицѣ достойнѣйшихъ своихъ служителей, представителей и членовъ Церковь скорбитъ и возноситъ молитвы о тѣхъ, которые недостойно носятъ имя Христова и дѣлами своими даютъ поводъ врагамъ Церкви хулить имя Божіе, имя Господа Іисуса Христа.

Весьма часто обвиняють Церковь въ томъ, что она будто бы возстаетъ противъ такъ называемыхъ, положительныхъ наукъ, „этого мощнаго орудія прогресса“. Въ доказательство этого ссылаются на такіе случаи въ исторіи, когда нѣкоторые люди во имя ученія Церкви возстаютъ противъ научныхъ выводовъ. Вопросъ объ отношеніи Церкви къ наукѣ сложный и самъ по себѣ можетъ быть предметомъ отдѣльной бесѣды. Здѣсь мы отвѣтимъ на него только краткими замѣчаніемъ. Изученіе міра и человека еще въ самые

періодъ цѣй жизни Церкви освящено какъ Основателемъ ея, такъ и Его учениками, и такъ называемый естественный способъ познанія о Богѣ ставится на ряду съ сверхъестественнымъ откровеніемъ въ словахъ св. Апостола Павла къ Римлянамъ: *Невидимое Божіе, т. е. вѣчная сила Его и Божество отъ созданія міра бываетъ видимо чрезъ разсужденіе твореній* (Римл. I, 19, 20). Но Церковь всегда боролась и будетъ бороться противъ тѣхъ людей науки, которые *разумѣвше Бога не яко Бога прослѣвши и осуществивши попыщеніи своими* (ст. 21), т. е. противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, какъ научную истину, то, что все должно имѣть свою причину, а на самомъ дѣлѣ не признають этой истины. Такъ, видя въ мірѣ неизмѣримыя силы, они не хотятъ признавать Высочайшей причины этихъ силъ, наблюдая въ мірѣ разумно дѣйствующіе законы, отрицають бытіе Вѣдичайшаго Разума, установившаго эти законы, замѣчая въ людяхъ проявленіе любви, утверждаютъ, что нѣтъ Безконечнаго Источника этой любви; живя въ кругу множества разумно-сознательныхъ существъ, не хотятъ допустить бытія Безконечнаго Личнаго Сознанія,—однимъ словомъ, изучая дѣла Творца, проповѣдуютъ, что все это произошло безъ Творца, само собою. Соотвѣтственно этому ученію они и жизнь каждаго разумнаго существа ограничиваютъ предѣлами его земнаго существованія. Во имя прогресса человечества Церкви никогда не можетъ примириться съ такого рода якобы научнымъ выводами, потому что въ нихъ именно и лежитъ корень человѣческаго регресса. Въ самомъ дѣлѣ, такое ученіе ограничиваетъ цѣль человѣческой жизни. Если конецъ нашей жизни здѣсь, т. е. на землѣ, то что можетъ побудить человѣка къ самоусовершенствованію; гдѣ тотъ образецъ совершенства, къ которому мы должны стремиться? Что спасетъ насъ тогда отъ безграничнаго себялюбія и стремленія только къ личному благосостоянію? Кто и что поставитъ границы эгоизму человѣка, да и есть ли въ этомъ